

Николай Захаров

Военные будни 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Военные будни, часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Военные будни, часть 2 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Эта книга о военной, повседневной жизни солдатской периода ВОВ.
1941-1945. Им – солдатам – она посвящается. Содержит нецензурную брань.

© Захаров Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Глава 1

Однако выйти из леса велосипедисты не успели. Помешали появившиеся бомбардировщики Люфтваффе, очевидно поднятые командованием, обеспокоенным выдвижением русских к границе. В этот раз, как потом узнал старшина, налет был самым продолжительным, мощным и результативным. Немцы сразу накрыли мост, потеряв всего одну машину, сбитую зенитчиками на подходе и, карусель закрутилась такая, что от взрывов затряслась земля под ногами даже в двухстах метрах от переправы.

А летчики Геринга в этот раз, удачно пробомбившись с первого захода по понтонному мосту, принялись обрабатывать и близлежащие леса, в которых сосредоточилась и куда уползала с дороги техника. Детонировали боеприпасы и в этом аду, группа старшины Баранова дисциплинированно укрывшаяся в складках местности, тряслась вместе с землей, мечтая лишь о том, чтобы дым из трубы полевой кухни не привлек взгляд какого-нибудь паразита за штурвалом.

– Где наши истребители?– проорал в паузах между взрывами Черпак в ухо старшине и тот только мотнул в ответ досадливо головой, – "Отвяжись", – и будто бы услышав вопрос сержанта в небе появились наконец-то "сталинские соколы" на краснозвездных машинах, сходу вступив в бой и завалив пару бомбовозов. Истребители немцев, прикрывающие их, тут же сбили в ответ пару наших и воздушный бой закипел прямо над переправой. Отбомбившиеся немцы, уходили обратно и прикрывавшие бомбардировщиков истребители, вертелись парами, не позволяя русским летчикам их безнаказанно сбивать. Обе стороны несли потери и в небе уже болтались парашютисты.

– Поздно подоспели. Звиздец мосту, – вздохнул сержант, поднимаясь с земли и отряхиваясь. – Все, отбой воздушной тревоге. Ушли сволочи. Металлолома оставили после себя гору и смылись, – сплюнул он в расстройстве.

– На финской территории у них аэродромы и у самой границы. А нашим, приходится летать на пределе возможного. Подскоки немцы не просто так пробомбили. Хоть наш возьми. Преимущество маневра и эффективность использования авиации на лицо. Пока наши теперь смотаются и перезаправятся, немцы еще два раза прилететь успеют, – старшина с сожалением взглянул в сторону переправы, где чадили дымом останки боевой техники и горел разбитый вдрызг мост.

Фрагменты горящие уносило течением, а к месту переправы уже спешили грузовики с саперами. Засуетились, растаскивая в стороны покореженную технику с помощью уцелевшей и, застучали топоры рядом в лесу, валя деревья.

– Все, кончились понтонные, начались деревянные, – понял правильно и прокомментировал старшина. – За мной марш.

Переправляться решили стами метрами выше по течению от разбомбленного моста, соорудив плот из подручных средств.

– Лес кругом. За бревнами шагом марш, – скомандовал старшина, поглядывая на небо. Попасть под бомбежку вторично на открытой местности не хотелось и, когда бойцы приперли пару бревен трехметровой длины, он не стал сооружать что-то изысканное, а попросту стянул их веревкой, бывшей короткое время поводком собачьим. Ёбка вертелся вокруг суетящихся бойцов и, похоже, что бомбежка его напугала не очень.

– Тупая ты скотина, – погладил его по спине Сафронов. – Пока по башке не попадет, не поймешь. Не мешай.

Получившийся в результате всеобщих усилий плот, позволил переправить за два захода велосипеды с имуществом, а личный состав заодно искупался, совместив приятное с полезным. Ёска в воду за Сафроновым сиганул не раздумывая и вылез вслед за ним на противо-

положный берег так же следом. Отряхнувшись, он коротко твякнул, будто доложил что все у него в порядке и старшина рассмеялся, указав на него:

– Степана опекает. Вперед не лезет. Сзади контролирует. Прямо Ангел Хранитель.

– Эх, как дурак, так счастье,– притворно вздохнул Черпак.

– Да у него ума поболее твоего будет, между прочим,– прикинулся непонимающим Сафронов.– И он, между прочим, жизнь тебе может быть спас. Вон какой стал опять розовый, как поросенок на Рождество,– ухмыльнулся при этом Сафронов так самодовольно, что Черпак впервые изменил своему правилу и оставил последнее слово за ним. Взглянул, хмыкнул и принялся облачаться в майорскую гимнастерку, морщась от боли. Водные процедуры, очевидно, не пошли на пользу раненой и почти выздоровевшей руке.

– Что? Нечем крыть?– обрадовался своей маленькой победе Сафронов.

– Нет, просто я действительно искренне благодарен Ёське. Хороший пес, настоящий. Ты его не прогоняй,– ответил тихо Черпак, присаживаясь на траву и сворачивая сигарку.– Давай покурим, Степ. А вот скажи мне честно...– протянул он ему кисет,– ты чего ко мне стал цепляться с первого дня? Не понравился что ли?

– Да нет,– присел рядом Сафронов,– характер у меня такой просто. Самому бывает тошно от него. Язык мой – враг мой. Леха, ты чего от коллектива отрываешься?– позвал он Иванова, копошащегося у использованного плота.

– Веревку развязываю. Узлы зараза намokли и никак,– отозвался Леха.

– Да брось ты ее. Нахрена она тебе сдалась?

– Пригодится. Мало ли. Сколько еще рек там...– махнул Иванов рукой в сторону Выборга.

– Эта последняя, через которую вплавь приходится, остальные ручейки,– ответил ему Черпак.

– А Вуокса? Я слышал, что широкая она.

– Она не пересекает наш предполагаемый маршрут. Вдоль нее пойдем,– ответил сержант, но Иванов продолжал упрямо копать у плота и старшина швырнул ему нож.

– Не мучайся, перережь, коль хозяйственный ты у нас такой оказался. И свой почему на поясе не носишь?

– Не привык я к ножам,– улыбнулся Иванов виновато и даже покраснел как девушка, будто уличили его невесть в чем предосудительном.

– Привыкай. Нож в лесу – первый инструмент. И у солдата на войне, после ложки тоже,– старшина присел рядом с Черпаком и спросил:

– Что рука?

– Да нормально. Намочил дурак и заныла чего-то. Переохладил наверное.

– Врач вон он,– кивнул головой в сторону Ёськи старшина, но с медом проблема.

– А сгущенка годится?– спросил Иванов.

– Годится. Только к чему спрашиваешь? Мед, пожалуй, даже проще здесь найти, чем сгущенку.

– Так она всегда в любом сельмаге зато есть. Мед не всегда, а сгущенное молоко всегда,– уверенно заявил сибиряк, присаживаясь и закуривая.

– Это в Сибири у вас она всегда. Потому что народ ее не покупает. Обходится натуральными продуктами, а к консервам с недоверием относится. А здесь, я бы не сказал, чтобы ее всегда навалом стояло. В городе да, а в сельмагах что-то я и не видел ее,– возразил ему Черпак.– И где тут ближайший сельмаг теперь? И если открыт, то наверняка шаром покати. Если только в лавке военторговской. Только где ее в этом бедламе сыщешь? Да и не болит особенно рука-то у меня. Так что не нужно ничего. Ни меда, ни молока. Обойдусь. В Выборге, если что, отоваримся.

– В Выборге – само собой. И врачи там, в халатах есть, а не шерстью заросшие, – пошутил Сафронов. – Положат тебя, Яшка, в госпиталь, а там сестрички в халатиках... Красота. Даже завидно.

– Да здоров я уже почти. Чего это меня положат? – Черпак взглянул на старшину и во взгляде его было столько мольбы, что он махнул рукой и поделился скорректированными планами с остальными членами группы.

– Меня, значит, проводите до части, а сами в Ленинград? – помрачнел Иванов.

– Ну, так мы же на сборах и имеем право схитрить, а ты как? Мы бы с радостью, но ведь дезертирство тебе навесят. Первый же патруль военный в Ленинграде остановит и задержит. А там и до трибунала рукой подать. Оно тебе надо? – взглянул на него с сочувствием старшина.

– А если нет части уже на месте? Если выбыла? Тогда как? Товарищ старшина, я год прослужил рядом с Ленинградом и ни разу в нем не был. Стыдно будет родичам в глаза смотреть, когда спрашивать станут, какой он город Ленина.

– Дембельнешься и на обратном пути заскочишь. Я тебе свой адресок чиркну и останавливайся, живи хоть месяц, – улыбнулся ему старшина.

– И наши запиши. Мы все с Васильевского, так что не далеко друг от друга живем. Павлович на 15-ой линии, к Среднему, а я на третьей, ближе к Малому. А ты, Степан, где?

– На Среднем живу, в начале, дом десять. Записывай, Леха, пока не передумали, – подмигнул тот Иванову. – Подфартило тебе. У каждого по месяцу поживешь – это же все лето. Вдоль и поперек весь город облазишь и будет что потом в Сибири родичам трындеть про него.

– Давайте, – обрадовался Иванов, – а вы мой сибирский запишите. Мало ли судьба зашвырнет. Рад буду принять гостей. Товарищ старшина, бумагу бы нам.

– Этого добра у меня полная планшетка. Держите, – старшина снабдил бойцов бумагой с карандашами и пока они занялись писаниной, отправился к мосту еще раз. Захотелось узнать жив ли младший лейтенант и очень обрадовался, встретив его на этой стороне реки с перевязанной головой, но живого.

– Цел? – поприветствовал, как старого знакомого.

– Мимо пока, – улыбнулся и лейтенант. – Говори громче, мне ящиком снарядным по башне прилетело, – и тут же помрачнел. – Ребят половина побило и зенитку разнесло. Хорошо попали гады. Метко отбомбились. Такого налета еще не было. Так что теперь я без орудия, старшина. Пытаюсь связаться с начальством, но пока безрезультатно. А вы как?

– А мы в лесу, рядом с кухней переждали налет. Кухня в порядке, – крикнул старшина.

– Ну, это ты слишком громко орешь, – поморщился зенитчик. – Уходите?

– Да, попрощаться заскочил и спасибо за хлеб соль сказать. Даст Бог, свидимся еще и, тогда отплачу, чем смогу. С меня пол литра, – пообещал старшина.

– А у меня есть, – подмигнул ему младший лейтенант.

– Что есть? – не понял старшина.

– Спирт. Тут санитарную машину разнесло слегка, вчера, ну и ребята проверили целостность содержимого. Людей всех побило, а бутыль лежит себе на боку и хоть бы хны. Могу отлить пару литров. Ну, и помянем парней моих, – предложил младший лейтенант.

– А давай, – не стал кочевряжиться старшина, снимая с пояса флягу.

В блиндажике зенитчиков они и присели, выпив наскоро по сто грамм. Налил младший лейтенант прямо в котелок из десятилитровой стеклянной бутылки, а уж из него разлил по кружкам.

– Ну, за помин душ убиенных и нашу победу, – произнес он дежурный тост и метнул свою порцию так лихо, что старшина только крикнул и чуть не захлебнулся теплым спиртом, пытаясь не отстать от зенитчика.

– Закусь, извини, простая, – сунул ему галетину в руку зенитчик. – Ну и запасайся, пока не передумал, – пошутил он

– А что, можешь?– удивился притворно старшина.

– Эх, старшина. Да нет, конечно. Ребят жалко, а эту дрянь, чего ее жалеть? Ты думаешь, мы тут ее пить собираемся вместо службы? Да пропади она пропадом. Стояла два дня, никто и не облизнулся. Медикам думал вернуть, первым же подвернувшимся, да забегался...

– Спасибо, только у меня с собой фляжка одна. Два литра в нее не влезут,– посетовал старшина.

– Ну, этого-то добра... Рядовой Сидоренко,– в блиндаж тут же сунулась конопатая физиономия красноармейца.

– Флягу пустую организуй,– распорядился младший лейтенант и через минуту протянул ее старшине.

– Держи.

– Спасибо,– еще раз поблагодарил старшина и отдался Парабеллумом, приведя парня в мальчишеский восторг.

– Мне?– не поверил он удаче неожиданной.

– Бери. У меня еще один есть. Группу диверсантов ликвидировали и там два офицера с такими машинками оказались.

– Ну, старшина, ну...– младший лейтенант так расчувствовался, что даже полез обниматься.– Запиши адресок, пересечемся после войны,– предложил он и надиктовал свои координаты, записав адрес старшины.

– Рядом почти живем. Заходи запросто.

– А у меня еще и телефон есть в квартире,– похвастался старшина, добавив к координатам своим и номер телефона.– Звони.

– Обязательно,– протянул руку зенитчик.– А нам давно обещают телефонисты, но пока без этого удобства.

Вернувшись, час спустя к своим, старшина сразу попал под критический взгляд принявшего рядового Сафронова, что-то буркнувшего при этом себе под нос.

– Что, Сафронов, ты там бормочешь? Думаешь, на других гавкаю, а сам пришел выпимши? Да, принял сто грамм за упокой душ парней. Там половина взвода погибла во время бомбежки. И отказаться было нельзя. Но я с собой принес целых две фляги и спирта причем. А пить его в одну харю, у меня харя треснет. Так что, ты там не бурчи и меня с собой не сравнивай.

– Так это... По грамушке?– расплылся в улыбке рядовой.

– Вечером, после ужина. Потерпите. Жарища же стоит. Я вон сто грамм всего принял и сразу развезло. А если мы тут начнем сейчас, то хрен выйдем и ехать как?– отмел его предложение старшина.– Вечером, Степа, на ночь. Чтобы спалось и чтобы к утру выветрилось. И губу приberi, что ты в самом деле?

– Да я ничего,– скуксился Сафронов, поднимаясь и хватаясь за свой велосипед.

– Тогда за мной марш. Пока эти сволочи опять не налетели,– скомандовал старшина.

А вот ехать им практически и не пришлось. Дорога оказалась настолько заполнена, что в пору было и велосипеды бросив, перемещаться рядом с ней по местности очень для них не приспособленной. К военным, спешащим в сторону границы, добавились гражданские, уходящие в тыл. Пропускная способность трассы не позволяла этим двум встречным потокам мирно сосуществовать и военные, пользуясь преимуществом, гнали гражданских на обочины, безжалостно вышвыривая их в эти пресловутые "складки местности".

Сразу же после окончания зимней кампании, правительство Страны Советов, радея о вновь приобретенных территориях, всячески способствовало переселению сюда населения из других регионов страны. И люди приехали, заняв брошенные предыдущими хозяевами земли. И теперь они уходили, понимая, что вернувшись, те предъявят им претензии и уйти все равно придется... если отпустят.

Гужевой в основном транспорт беженцев вынужден был дорогу освободить и пережить поток военный в окрестных лесах довольно болотистых и для телег труднопроходимых. С этой же проблемой столкнулись и велосипедисты, уткнувшись в первое же озерцо, примыкающее к дороге и больше похожее на болото. В этом месте оно еще и на трассу выплеснулось, добавив проблему военным дорожникам и, саперы решили ее просто. Соорудив настил из бревен, длиной метров в пятьдесят и танки теперь грызли его траками с остервенением, воя двигателями. Беженцы проложили вокруг болотца обходную тропу, взявшись кое-где за топоры и по ней колдобистой и топкой, медленно огибали препятствие, волочаясь со своим скарбом. Многие тащили с собой домашнюю скотину, привязав ее к телегам и, это добавляло столько экзотики, неудобств и дополнительного шума, что старшина не рискнул провести бойцов по этой дороге жизни, втиснувшись между прущим гужевым транспортом.

– Переждем, может, товарищ старшина? К вечеру всяко рассосется встречное движение, тогда и нагоним потерянное время,– высказал здравое вполне предложение Черпак.

– Оно конечно так, но торчать вот здесь тоже не самая замечательная идея. Давай левее попробуем обойти все это вавилонское столпотворение лесом, а там посмотрим,– принял решение старшина и повел бойцов в обход. Однако тут же и пожалел об этом через сто метров. Путь преградило уже не озерцо, а полноценное болото, чавкающее под ногами и смердящее сероводородом. Оно заставило группу огибать его, уклоняясь еще левее, а в итоге развернуло их в обратном направлении, так что еще через пару сотен метров старшина плюнул и отказался от своей идеи обхода, скомандовав: – Привал,– а потом сидел, курил и думал, как из этой скверной ситуации выползти:

– Эх, местного бы кого-то привлечь. Может быть, тут вообще есть проходы, только мы про них не знаем. Сверху за нами смешно, наверное, наблюдать. Тычемся тут, как слепые котята,– со вздохом поделился он своими соображениями с сержантом.

– Где его взять, местного? Вон из тех? Так они сами тут недавно поселились и места эти знают не лучше нашего. Нам бы на ту сторону дороги перебраться – правую. Там суше вроде бы.

– Да один хрен, что там, что здесь,– махнул рукой старшина. – Леха, сгоняй к дороге, разведай, может, рассосалось там или встали уже?– сибиряк сбегал быстро и, вернувшись, сообщил, что техника прошла тяжелая и теперь прет колесная:

– Это надолго, конца им не видно. Может и наш полк тут шурует сейчас?

– Может. Соскучился?– взглянул на него мрачно старшина.

– У меня там земляки,– неопределенно ответил рядовой.

– Тогда встань на обочине, растопырься, может, узнает кто из них и все, нет проблемы,– предложил ему старшина.

– Как это растопыриться?– не понял Иванов.

– Раком,– отрезал старшина, обидев парня так своим ответом, что тот даже засопел, отвернувшись.

– Разводи костер, комарье уже зажрало,– и не подумал извиняться старшина, пребывая в скверном расположении духа и рядовой огрызнулся: – Так сидим, потому что в болотине.

– А где тут не болотина?– взглянул на него старшина с укором.

– Ближе к дороге. А на той стороне вообще поле колхозное. Нам бы туда перебраться, товарищ старшина, и справа попытаться прорваться?– Иванов понял, что обижаться бесполезно и опять озвучил сержантское предложение,– нужно влиться в поток встречный и выскочить из него на ту сторону,– развил он свою мысль. – Там и пехота прет пехом. Вполне можем маневрировать.

– Пошли,– встал на ноги старшина и, затоптав окурок, первым увел свой велосипед в сторону трассы. И здесь им повезло, если так можно назвать очередной налет вражеской авиации, одним своим появлением очистившей грунтовку, разбитую траками танкового корпуса. Эскадрилья шукасов прошла на бреющем, поливая разбегающихся людей из пулеметов и залегшие

велосипедисты, по команде старшины пересекли дорогу опустевшую, сразу же после пролета немцев. Сволочи эти, однако, развернувшись, прошли еще раз в обратном направлении, но группа к тому времени уже залегла на противоположной стороне, правда, в поле и была замечена сверху одним из пилотов, уделившим ей свое персональное внимание. Прошелся прямо над ними, расходуя боезапас и, старшина дернулся, услышав над головой свист пули. Вжался в землю, прикрыв инстинктивно голову руками и, услышал рядом пару ударов чем-то тяжелым по металлу и болезненный вскрик кого-то из бойцов. Самолеты скрылись за кромкой леса и старшина сел, оглядываясь.

– Кого зацепило?– спросил он осипшим от волнения голосом и, не услышав ответа, переспросил:

– Черпак, Сафронов, Иванов?

– Я.– Я.– Я.– отозвались три голоса и старшина, облегченно вздохнув, опять задал первый вопрос:

– Кто, кричал?– Дак у меня по велику попало, ну и он ногу крылом царапнул,– откликнулся Иванов.

– Ну, это перетерпишь, а что с велосипедом?– обеспокоился старшина целостностью трофейной техники.

– Седлуху пробило, остальное в порядке,– доложил Иванов.

– Отделались легким испугом,– подвел итог старшина.– Подъем. Вперед к лесу,– лес, на правой стороне, действительно оказался более сухим, но и людьми заполнен по этой причине интенсивнее. Группа, сходу в него влетев, сразу же наваралась на стадо крупного рогатого скота, которое так же гнали в тыл колхозники. Пастухов было пятеро, все верхом, а поголовье такое, что старшина даже растерялся, пытаясь сориентироваться в нем, прущем казалось, что со всех сторон.

Коровы выскакивали неожиданно из-за деревьев с выпученными от ужаса глазами и группа вынуждена была прижаться к сосне, отгородившись от стада велосипедами.

– Затопчут нахрен и не заметят,– пробормотал Сафронов, подобравший увесистую дубину полутораметровой длины и отпихивающий ей от себя животных. Появившемуся пастуху на лошаде он же и крикнул, пытаясь доораться до него сквозь мычание паническое перепуганных коров.

– Эй, парень, долго нам тут еще под елкой торчать?– пастух его вряд ли услышал, но и без слов, очевидно, понял, что у него спрашивают, прижавшиеся к дереву военные и вывернув кобылу прямо к ним, крикнул, проносясь мимо:

– Это последние.

– Ну, слава Богу,– отозвался старшина, в следующую секунду отшатываясь от выскочившего прямо на них рогатого монстра с кольцом в ноздрях. Монстр – бугай стадный, мотнул головой, ткнулся мордой в дубину, подставленную Сафроновым, мыкнул утробно и, развернувшись, как танк на месте, ушел вслед за поголовьем любимым, напугав личный состав до дрожи коленной, пожалуй, не меньше чем авианалет, только что пережитый.

– Чисто Зубр. В холке метра два,– дрожащим голосом поделился своими впечатлениями Сафронов.

– Пустили бы его вместо КВ на финнов, он бы их до самых Хельсинков догнал,– поддакнул ему Иванов и тоже голосом не самым мужественным.

– А Ёся где?– вспомнил о своей собственности Сафронов.– Ёся, Ёся,– позвал он и, не увидев пса, явно огорчился этим обстоятельством.– Затоптали пса.

– А я его вообще после дороги уже не помню,– огорчил его еще больше Черпак.

– Погиб пес смертью храбрых,– предположил старшина, оглядываясь.– Все, кончилось стадо. Почапали, братцы. Чего стоять? А вон и твой лохматый появился,– обрадовал он Сафро-

нова, первым заметив, выскочившего к ним Ёську. Пес прыгал вокруг, ставшими его стаей, людей и визжал от радости, что нашел их.

– Говорил же я тебе, что хрен он от тебя отвяжется теперь,– напомнил старшина, обрадовавшемуся Сафронову, присевшему рядом с Ёской и глядящему его по голове.

– Умница,– нахваливал, тот пса и Ёска млел от счастья.

– Расцелуйтесь еще,– посоветовал ему старшина, двигаясь вслед за стадом и перешагивая через коровьи лепешки, проворчал,– Весь лес загадили, заразы. Нужно правее забирать, где они не перлись,– однако, правее опять уткнулись в топкие места и пришлось вернуться на коровьи следы, ведущие в то самое светлое будущее, к которому они всей группой стремились уже неделю и которое никак не наступало.

Все же до вечера группе старшины удалось преодолеть еще километров десять, по его прикидкам и скомандовав: – Привал,– он хоть и несколько мрачно, но высказал вполне оптимистичное мнение:

– Более-менее. Третью пути прошли. Если в таком темпе будем двигаться, то еще пару дней и мы в Выборге.

– Тридцатое сегодня июня кажется. Кто помнит?– спросил сержант, распаковывая поклажу и расстилая плащ-палатку.

– Ну, я помню, тридцатое. А что?– ответил Сафронов, также возясь со своим имуществом.

– День рождения у меня сегодня, мужики. Двадцать шесть стукнуло,– сообщил всем сержант.

– Поздравляем, вот повезло же тебе, Яков, родиться именно сегодня. Как знал, что встречать будешь его на чистом воздухе, в компании исключительно мужской и что найдется у них пара литров спирта на этот случай,– пошутил старшина, под одобрительные улыбки Иванова с Сафроновым и смущенную Черпака.

– Пьянка намечается по этому поводу,– потер ладони Сафронов и принялся копать в своей поклаже, готовясь к мероприятию, отталкивая, сующего в нее нос Ёську.

– Отметим, конечно,– не стал возражать старшина,– но в меру. По сто грамм и все.

– Че там пить-то, сто грамм? Это как вон тому бугаю дробина,– попробовал пробить заранее запрет Сафронов и получил такую тираду от старшины в ответ, что сержант опять пожалел, что записать нечем, а Ёска брызнул в лес и целый час потом, нос свой не высовывал.

– Так бы сразу и сказали,– проворчал Сафронов и за праздничным ужином молча проглотил свою порцию спирта, зажевав его курятиной. И даже, когда смягчившись, старшина разрешил принять еще по сто граммов, не очень-то этому обстоятельству и обрадовался, пожав только плечами неопределенно, выпил и опять засопел, удивив своим молчанием весь остальной личный состав.

– Обиделся что ли,– спросил его старшина,– а, Степа?

– Чего это?– взглянул на него рядовой невозмутимо.– Не положено нам. По уставу, товарищ старшина.

– Ах, вон ты чего,– понял его молчаливый демарш старшина.– Дистанционировался. Мол, ты начальник – я дурак. Так что ли?

– Так,– взглянул на него опять рядовой, но уже с некоторым вызовом,– что не прав я скажете?

– Да прав, конечно,– согласился старшина.– С твоей кочки болотой, если на жизнь смотреть.

– А если с вашей?

– С моей чуток иначе. У меня ответственность не только за себя, но и за тебя оглоода и по тому же уставу, и по совести. Так что ты уж потерпи, родной, когда слезешь с моей шеи,– усмехнулся старшина.

– Я, с вашей?– вытаращил на него глаза Сафронов.– Я-то как раз наоборот думал.

– Не правильно думал, Степа. Вот скажи ты мне, если сейчас из лесу патруль военный выскочит и станет вопросы задавать, то, что ты станешь делать?

– Что? Так вы же старший здесь и ответите за всех,– произнес, не задумываясь Сафронов.

– А если они меня арестуют, засомневавшись в правдивости моих слов, то, что ты станешь делать?– задал следующий вопрос старшина.

– Если арестуют, тогда и думать стану, а чего заранее пургу гнать,– ответил рядовой, опять особенно не задумавшись

.– Вот видишь, ты спрятался за моей спиной. Не такой уж и широкой. У тебя, Степа, по сравнению со мной, есть преимущество... Тебе есть на кого валить, если что. На меня. Я твоя броня и отмазка. Так что сел ты на мою шею плотно и еще погонять норовишь, чтобы я вез и не взбрыкивал. Вольницу тут тебе разрешил. Гуляй рванина... Хрен вот тебе,– закончил старшина.

– Да уж,– поскреб озадаченно за ухом Сафронов,– впору прощение просить мне у вас, Алексей Павлович. Так выходит. Вы, ежели что, за меня поплатитесь. А я вроде как тот бугай, тупой?

– Почему как?– рассмеялся старшина.– Хрен с тобой, уболтал, наливай, Леха, еще по сто грамм и отбой. Завтра подниму рано. Дежури́м по очереди.

Первым старшина и отсидел до полуночи, подняв Иванова и укладываясь на нагретое им место, посоветовал:

– Ты, Леха, если что увидишь подозрительное, буди, не стесняйся. Только не пали в белый свет, как в копейку, навроде Степана. Здесь не хутор. Гражданские опять же шляются. Подстрелишь еще кого-нибудь, будешь потом казниться всю оставшуюся жизнь.

– Хорошо, товарищ старшина. А если этот... ну, Морозов подкрадется?

– Тоже буди. Давно не виделись,– пошутил мрачно старшина.– Узнаешь если его в потемках, то стреляй, не раздумывая. Подкрасться ему не позволяй. Зарежет или шею свернет в две секунды,– старшина отвернулся от рядового и тот залег в обнимку с автоматом, чутко прислушиваясь к окружающей среде. Перспектива получить ножом по шее или ее же получить свернутой, так впечатлила Иванова, что сон у него пропал мгновенно, а адреналин в крови зашкалил, заставив сердце стучать так громко, что он даже поморщился, досадуя на самого себя.

Иванов и разбудил старшину час спустя, теребя нетерпеливо за плече и шипя ему в ухо:

– Товарищ старшина, Алексей Павлович.

– Что?– разлепил глаза старшина.

– Ползает кто-то рядом,– свистящим шепотом сообщил рядовой.

– С чего ты взял, что ползает? Может, показалось все же?

– Нет, точно. Ёся вострепнулся и вон за те кусты умотал, а там пару раз взвизгнул. Точно, Морозов этот тут ошивается.

– Морозов!– гаркнул старшина во весь голос, будя спящих.– Ты здесь, кукушонок? Чего молчишь, оглодыш?

– Здесь,– донеслось вдруг из леса в ответ.

– Чего надо, придурок?– крикнул опять старшина.

– Нож отцовский верни и вали со своими архаровцами хоть в Сибирь,– прозвучало в ответ.

– Иди, возьми!– крикнул старшина, заводясь.

– Щас,– ответил Морозов,– когда ты один останешься, тогда и приду. Рядовых передую по одному и приду,– пообещал он самоуверенно.– Оставьте нож на лежбище утром и тогда никого не трону, кроме тетки-сибирячка. Этому я все равно шею сверну за бату.

– Вот гад,– задергался Иванов,– я же ему сказал давеча, что это я Авдеича убил.

– Эй, Морозов, он тебе соврал. Не он это. Это я твоего папаню завалил,– крикнул старшина, решив успокоить парня.

– Тогда пусть они уходят, а с тобой мы разберемся, как мужчина с женщиной,– проорал в ответ Морозов, явно стервенея.

– Да хоть сейчас,– психанул старшина, вставая на колени.

– Жду и, нож не забудь, сволочь!– поднял градус злобы в голосе Морозов.

– Иду,– вскочил на ноги старшина и оттолкнул, вставшего на пути Иванова.

– Товарищ старшина, нужно всем пойти и расстрелять гада из четырех автоматов,– заблажил сибиряк.

– Ты меня за кого принимаешь, тетка?– прихватил его за грудки старшина.– Я что, похож на суку? Сам разберусь,– и крикнул во все горло:

– Эй, Морозов.

– Что?– немедленно отозвался тот.

– Сходимся один на один. Мои не вмешиваются. Пусть Бог решает, кому жить, а кому загнуться в этом лесу.

– На ножах?– спросил Морозов деловито.

– Хоть на оглоблях,– рявкнул в ответ старшина.

– Тогда на ножах. Побожись, что твои не увяжутся следом,– поставил условия Морозов.

– Вот те крест,– крикнул в ответ старшина, перекрестившись и, цикнул на подчиненных:

– Сидеть здесь и не дергаться. Если жив останусь, то крикну. Если он меня кончит, то делайте потом что хотите.

– Алексей Павлович...– начал было сержант Черпак, очевидно, намереваясь вразумить старшину, но тот швырнул ему ремень, сняв с него ножны с ножом булатным и молча ушел в сторону Морозова.

Глава 2

Двигаясь осторожно и чутко прислушиваясь, старшина прошел метров пятьдесят и вышел на поляну. Замерев на ее краю, не такой уж и обширной, он позвал:

– Ты здесь, Морозов?

– Жду, – колыхнулась еловая ветвь на другом краю полянки, метрах в двадцати.

– Стволы в сторону, – предложил старшина.

– Давай, на счет три, – согласился Морозов, начав тут же отсчет. – Раз, два, три, – и честно отшвырнул от себя что-то темное.

Старшина тоже вынул из сапога ТТ и швырнув его в траву, спросил:

– Помолился, крысеныш?

– А ты? – ответил Морозов зло.

– Само собой. Пусть Он рассудит.

– Он рассудит, как надо, – уверил его Морозов.

– Я и не сомневаюсь, Леха, – сделал к нему первый шаг старшина, сжимая в кулаке его же бывший нож.

– И я, – шагнул на встречу Морозов. – Я тебя, скобаря, без ножа бы, одними голыми руками придушил, – нервно выкрикнул он при этом, сверкнув лезвием в лунном свете.

– Вижу, – сделал еще один шаг старшина.

– Нож у тебя мой фамильный, поэтому ты опаснее с ним стал, – признался Морозов, – обмылок мелкий, – и прыгнул, в два шага преодолев разделяющее поединщиков расстояние. Нож при этом в лунном свете замелькал, перебрасываемый из руки в руку и старшина едва успел уклониться от лезвия, поднырнув и откатившись в сторону. При этом ему удалось, достать ногу противника и Морозов взвыл, не сдерживая эмоций: – Сука! Сучара! – орал он, кружась вокруг, вскочившего на ноги старшины, пытаясь достать его с разных рук и разными махами, демонстрируя навыки в ножевом бое. Второй раз старшина зацепил ему кисть левой руки и прыти Морозов сразу убавил, прикусив губу от боли.

Пошел крадучись вокруг него, делая ложные выпады и выбирая момент для нападения – последнего. Глаза его, с расширенными от боли зрачками, увеличились и глядели с чернотой потусторонней, пугая и завораживая. Старшина, стараясь не глядеть в эти безумством расширенные глаза, внимательно следил за их хозяином и ждал, стараясь не попасться на ложные выпады и держа нож жалом вперед, прямо перед собой. Ножевого боя он не знал. И как всякий дилетант, понимал, что сейчас он не на своем поле, где шансы его невелики, но принужденный обстоятельствами к этой схватке, присутствия духа не терял, надеясь на русское "Авось" и на Бога. Повторяя про себя. – "Господи, буди милостив мне грешному". А Морозов опять сделал ложный выпад, но дернувшегo старшину тут же и достал ударом в грудь. Нож ткнул старшину с такой силой, что у него сбилось дыхание, и он нанес ответный удар в живот, почувствовав сопротивление тела и выдернув нож, отскочил от зашатавшегося и согнувшегося диверсанта.

Машинально потеряв место удара и, нащупав дырку в гимнастерке, удивился, что жив, чувствуя, как кровь течет по ребрам и уже намокают от нее галифе. Что-то помешало лезвию и оно, скользнув по препятствию, ушло в сторону, пропоров кожу и достаточно видеть глубоко. Старшина мотнул головой и, сунув руку под гимнастерку, нащупал нателный крест, смявшийся от удару в дугу.

– Спасибо, Господи, – прошептал он, прижимая локтем гимнастерку к порезу и вздрагивая от охватившего его озноба. А противник все еще стоял, согнувшись и старшина сделал шаг в его сторону, опасаясь, что это своеобразная хитрость и Морозов еще способен нанести ему удар последний. Но тот, поднял голову и оскалась, попытался что-то сказать. Что-то злое,

беспощадное и окончательно уличающее хотелось ему выплеснуть из себя вместе с вытекающей из брюшины кровью.

Только сил у него на это не хватило и стоять тоже. Ноги самопроизвольно подкосились, роняя тело в траву с мятыми и вытоптаннами ромашками, а старшина понял... это все. Поединок закончился. Противник не способен сопротивляться, и выпускает, скорее всего, дух. Поэтому подошел ближе и прислушался к уткнувшемуся лицом в траву телу. Тело еще жило и хрипло дышало, не желая принимать смерть преждевременную. Его трясло и очевидно из последних сил, повернув лицо, Морозов прошептал довольно внятно:

– Будь все проклято.

– Дурак,– ответил старшина,– умираешь и проклятьями сыпешь. Покайся, придурок.

– Перед тобой?– прошипел в ответ Морозов.

– Перед Богом, дурак.

– Не в чем мне каяться перед ним,– нашел в себе силы сложить совсем уж длинную фразу умирающий, и притих, едва слышно похрипывая.

– Дураком прожил, дураком и умираешь,– безжалостно заклеил его старшина.

– Если бы мой нож был у меня. Я тебя на лоскуты бы порезал,– ответил Морозов и попытался подняться, зарывав зверем. Но на этом силы его иссякли, и он упал снова лицом в траву.

– Умер что ли?– спросил его старшина и, не услышав ответа, сделал еще шаг к телу, склоняясь над ним. Дыхания он не услышал и, повернувшись, ушел с оскверненной убийством поляны.

К месту ночлега вышел, едва волоча ноги, метров за десять крикнув:

– Это я, мужики,– и вся троица, кинулась к нему на встречу, поняв по тяжелому дыханию и бледному в свете Луны лицу, что "отец-командир" ранен.

– Кончил я гаденыша,– простонал старшина, опускаясь на колени и, попросил:

– Помогите снять гимнастерку. Зацепил лезвием. До ребер достал.

– Перевязаться нужно,– засуетился личный состав, оказывая ему помощь. И уже через полчаса старшина сидел, привалившись спиной к березке, замотанный как египетская мумия и с удовольствием перекуривал.

– Вам тоже необходимо принять сабачью терапию. Рекомендую,– рядом пристроившийся Черпак, помахал раненной рукой, демонстрируя результат.

– Меда нет, сметаны нет, и пса теперь тоже нет. Свернул шею Ёське Морозов. Наткнулся я на труп его, когда к полянке шел. За измену покарал пса.

– Падла,– угрюмо отозвался Сафронов.– Точно сдох гад?

– Пойди, проверь. Я пульс не щупал,– ответил старшина и Сафронов, ушел с автоматом в сторону поляны. Вернулся через пол часа и присев, молча закурил.

– И что?– нарушил молчание Черпак.

– Морозов дохлый валяется. Вот, наган милицейский нашел и ваш ТТ, товарищ старшина,– выложил стволы Сафронов.– И Ёся тоже умер. Утром похороню,– старшина, молча взял пистолет, молча сунул его в сидор и, поморщившись, сказал: – В баньку бы сейчас или в речушку на крайняк. Кровь аж до сапог успела дотечь.

– Шрам этот теперь на всю жизнь вам память. Повезло, что вскользь лезвие прошло. А помыться, конечно, в баньке хорошо бы,– поддержал разговор Черпак, щурясь на первые лучи восходящего солнца, блеснувшие между стволами деревьев.– Первое июля.

– Десятый день войны, а будто уже год прошел,– подсчитал Иванов.

– Другая жизнь началась девять дней назад у нас с вами... У всей страны другая,– заметил старшина.– Время событиями наполнилось, вот и кажется, что год. А где-нибудь в Африке, какой-нибудь негр ничего такого не замечает. Мотыжит свои кокосы на плантациях и кажется

ему, что ничего не изменилось. Эх, орлы. Может, вздремнем еще пару часиков? Не дал ведь выспаться придурок этот,— оглядел притихших бойцов старшина.

— Какой там сон...— ответил за всех Сафронов.— Пойду я, Ёсю похороню.

— А я прилягу все же,— как можно более беспечным тоном заявил старшина,— покемарю пару часиков,— и бойцы переглянулись с пониманием. "Не хочет слабость показать". А у старшины кружилась голова, и пересохло во рту.— "Не хватало еще мне тут разболеться",— подумал он и осторожно прилег на плащ-палатку, брошенную поверх наломанного елового лапника. И сам удивился, что глаза у него сразу заслипались, и он провалился в сон, как в яму. Проснулся сам, никто его не будил. Выспался. И глаза открыв, вспомнил, прежде всего, о ночной схватке. Вспомнил и испугался до коленной дрожи. Будто еще ничего не было и только предстояло.— "Это я после выпитого спирта таким лихим был, а сейчас похмелье наступило",— подумал старшина и, приподняв голову, удивился. Лежал он все на том же лапнике, но накрытый сверху шинелью и более того, над ним был сооружен полог из еще пары плащ-палаток, так что солнечные лучи, просвечиваясь через них, не позволяли определить который час.

Старшина взглянул на свои наручные часы и не поверил глазам, они показывали десять часов:

— Ничего себе пару часиков покемарил. Все пять получается,— попенял он сам себя и попытался сесть, охнув при этом от резкой боли и рухнув обратно. Шок закончился и, теперь ощущение было такое, будто вчера его не полоснули слегка ножом, а разрубили пополам шашкой. Полежав минут пять и, оклемавшись, старшина повторил попытку, стараясь не потревожить бинты и вцепившись руками в ткань плащ-палатки. С трудом ему удалось сесть, почти уперевшись в наброшенную на распорки еще одну и когда голова кружиться перестала, дернул ее, срывая с жиденьких кольев. Открывшаяся перед ним картинка старшине не понравилась своим безлюдьем и он, скрипя зубами от боли, покрутил головой, убеждаясь, что сидит в лесу один и, никого рядом больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.